

Текст · 5 августа 2020, 14:10

Александр Бородихин,

«Могли на поля вынести и закопать, а они хранили. Ну и дохранились». Капитан судна *Rhosus* рассказывает о грузе, взорвавшемся в порту Бейрута

По меньшей мере 100 человек погибли, больше четырех тысяч человек пострадали при взрыве 2 750 тонн аммиачной селитры, хранившихся на складе в порту ливанской столицы Бейрута. Груз пролежал там шесть лет после конфискации с судна *Rhosus*, которое принадлежало кипрскому бизнесмену российского происхождения Игорю Гречушкину.

«Медиазона» поговорила с тогдашним капитаном *Rhosus* Борисом Прокошевым, который провел около года на борту арестованного в бейрутском порту судна без права сойти на берег.

2 750 тонн аммиачной селитры, выгруженных с судна *Rhosus* в сентябре 2014 года, хранились на складе на 12-м причале бейрутского порта в ожидании дальнейшей утилизации. На заседании Высшего совета по обороне Ливана сообщалось, что недавняя инспекция на причале потребовала устранить свободный доступ на склад. Взрыв, по предварительной информации, произошел во время сварочных работ, которые должны были перекрыть доступ внутрь: от искр загорелись петарды, также хранившиеся на складе, а следом сдетонировала селитра.

Портовая инфраструктура, главное зернохранилище и другие находившиеся по соседству постройки были практически полностью уничтожены взрывной волной; улицы города завалило обломками фасадов и осколками стекол. По оценкам властей, взрывная волна причинила те или иные разрушения половине домов Бейрута, стоимость ущерба оценивается в 3 млрд долларов. В Ливане объявлен траур.

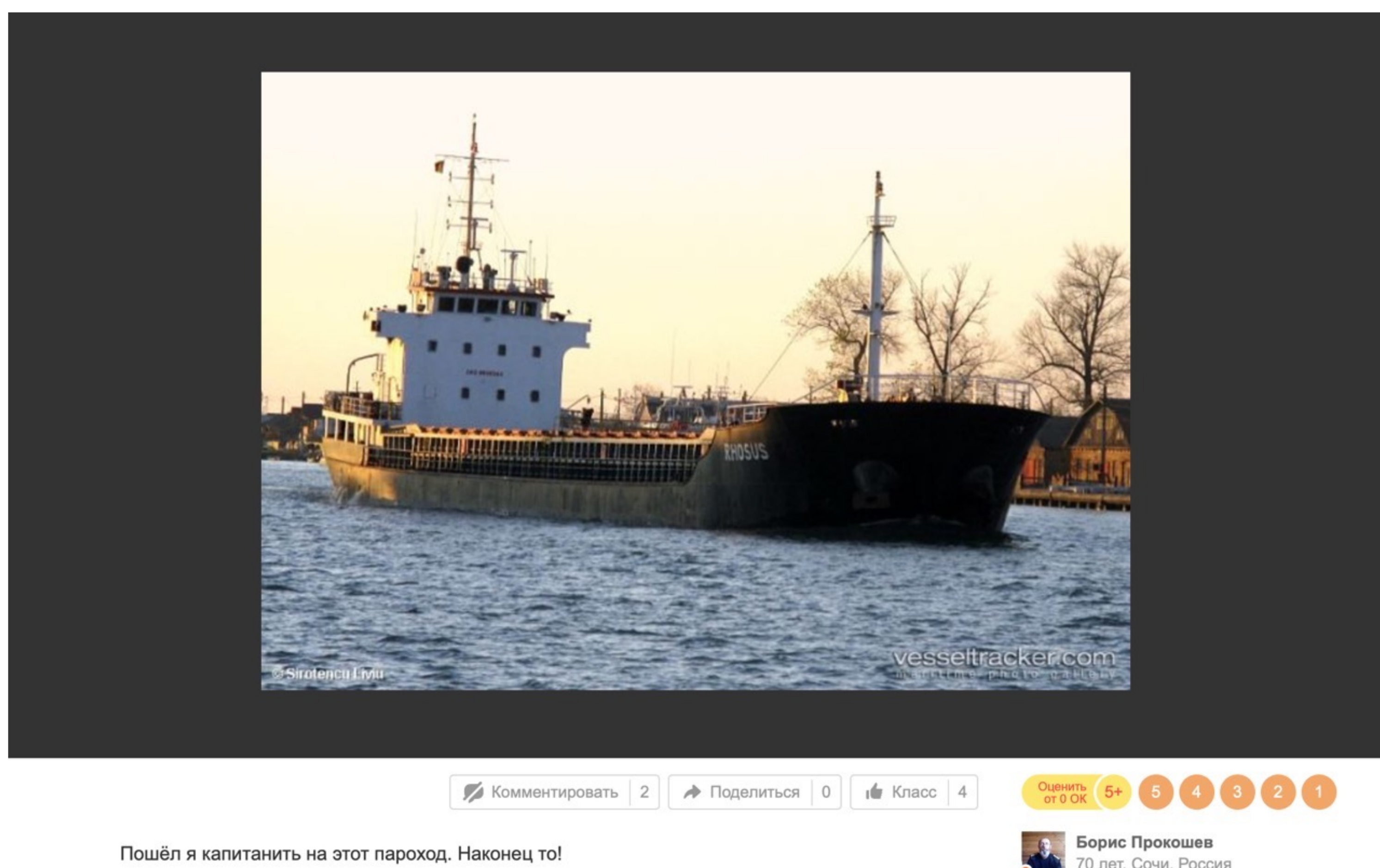

Фото: соцсети Бориса Прокошева, 2012 год.

Мне говорят, [Игорю Гречушкину] нужен капитан на пароход. Пойдете? Пойду. Ну, прихожу, мне говорят, на *Rhosus* — ну а я на нем работал. Контракт на шесть месяцев подписал да поехал.

Я сел на него в Тузле, в Турции — там уже был погружен груз. Один груз, нитрат аммония. Мы пошли в Пирей, в Грецию — там топливо нам заправили, снабжение кое-какое получили. Мы там стояли, стояли, потом [Гречушкин] якобы нашел еще какой-то груз в Бейруте, и отправил нас в Бейрут.

Борис Прокошев. Фото: fotostrana.ru

В Бейрут пришли, там начали грузить дорожную технику, а она оказалась очень тяжелая, чуть [палубу] не провалили. Я отказался ее брать, а потом команда у меня взбунтовалась. Когда мы пришли принимать этот борт [в Турции], у него поменялась вся команда — и у нас естественно возникло подозрение, почему в один день вся команда списывается. Это ненормально, потому что на пароход приходят в разное время, и в разное время списываются. Они мне сказали: мы не хотим идти в Мозамбик, на такой далекий рейс. Ну, вроде бы правдоподобно. Спрашивали, как работа — никто ничего не говорит. Все нормально, все нормально, все нормально.

Ладно, они уехали, я начал документы смотреть, и выясняю: Гречушкин последние четыре месяца не платил им зарплату, выплатил только перед списанием. Они бастовали тоже, это я в компьютере увидел.

Ну вот, народ сказал, мы в Мозамбик не пойдём: он там нас бросит, и все, на хрен. Это в Бейруте.

Я груз брать не стал, и тогда Гречушкин сказал, идите на Кипр, в Ларнаку, и там разберемся. А бейрутцы не выпустили пароход — он должен был оплатить портовые сборы и штрафные санкции за то, что мы груз не взяли. Это он, естественно, не оплатил. Ну вот и арестовали пароход.

У нас были документы, что у нас нитрат аммония, порт назначения Мозамбик. Был упакован в синтетические полипропиленовые мешки, каждый мешок — тонна.

В беседе с «Медиазоной» капитан Борис Прокошев подтвердил, что груз селитры с его судна был запакован в мешки, похожие на те, что видны на фотографиях, циркулирующих в ливанских соцсетях. Источник: Riam Dalati / Twitter

Некоторым позволили вернуться, четверых оставили в заложниках, чтобы следили за пароходом. Если живешь на нем, не будешь же тонуть — вот и следишь.

Если бы еду не привозил один бейрутский, мы бы там умерли.

Я с консульством сначала связался, никакой реакции. Ругался я и с бейрутскими властями, мне говорили, что я не дипломат — ну а толку, что вы дипломаты. Я говорил, что у меня сердце болит, надо домой ехать, лечиться. Консул говорит, что передавал министру, тот говорит: «Хорошо, присылайте здорового капитана».

Мы не преступники были, [консул] мог бы там в суд подать или адвоката дать, елки-палки. Ничего этого не было. Мы продали часть топлива, нашли ливанского адвоката, и он подал в суд два иска: один к правительству, чтобы нам разрешили отпавку домой, а второй — чтобы нам выплатили зарплату. Первый в течение трех месяцев суд шел, с консульства были люди, выступали — в общем, нас отпустили. А деньги до сих пор...

Я Путину писал, отписки получал, и мне [консул] сказал: «А что ты хочешь добиться? Чтобы Путин прислал спецназ и операцию сделал по вашему вызволению?». Вот так. Я Путину каждый месяц по емейлу письма отправлял с просьбой вызволить нас из плена: «Владимир Владимирович, у нас положение хуже заключенных: те, во-первых, сидят за то, что совершили преступление, а во-вторых, знают срок, когда они выйдут. Нам обвинений никаких не предъявлено, и мы не знаем, выпустят нас когда-нибудь или вообще никогда не выпустят». В ответ: «Ваше обращение передано в МИД для принятия решений». И так десять раз. Я эти отписки

сгруппировал и отправил одиннадцатое письмо — молчок.

На судне был еще переносной генератор, который [предыдущая команда] в Испании брала^[1] — не знаю, зачем они в Севилью ходили, но генератор им дали, потому что надо было отремонтировать штатный генератор. С ним мы так далеко идти и не должны были, судно было [в плохом состоянии]. Капитан предыдущий урод был, мог бы рассказать, что там происходило в последнее время, а он словом не обмолвился. Мы бы вообще не вышли из этой Турции, сразу бы поехали домой.

Владельцы генератора требовали, чтобы его отправили назад, ливанцы его сняли и отправили, а груз оставался на борту: мы закрыли все помещения на замки, ключи передали в миграционную службу и улетели. А после нас, адвокат сказал, груз выгрузили на берег, на склад под ответственность министерства транспорта Бейрута.

Они знали, что это груз опасный — там террористическая опасность в Ливане, с таким грузом в порты нельзя заходить. Как Гречушкин договорился, чтобы нас туда пустили, я не знаю. Когда Гречушкин хотел, чтобы мы ушли на Кипр, ливанцы, зная, что у нас опасный груз, наоборот, должны были доплатить ему денег, чтоб только он убрал головную боль из порта. А они арестовали пароход — видать, хотели с него содрать. Ну, естественно, хотели содрать, а получилось, что он ни нам не заплатил, ни им.

Когда выгрузили груз, его же могли бы реализовать, на поля вынести и закопать его в землю, это же удобрения. А они для чего его хранили, я не знаю. Ну вот и дохранились.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. В беседе с RT украинский моряк Семен Николенко рассказал, что участвовал в переброске груза селитры на Rhosus из грузинского Батуми до Турции, где экипаж «поменяли», и судно направилось в испанскую Севилью.